

Виктор
Кротов

Написать свою книгу

Виктор Кротов

Написать свою книгу. То, чего никто за тебя не сделает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21619018

ISBN 9785448332432

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга о литературном творчестве для молодёжи и взрослых. Главная мысль: каждый может написать свою книгу, и она неизбежно должна стать уникальной, как уникален и сам человек. Какие опорные свойства присущи тому или другому жанру, как нащупать свой жанр, как работать с написанным произведением, как искать издателя – эти и многие другие вопросы рассмотрены в чётких формулировках, ничем не ограничивающих подлинную творческую свободу, но позволяющих реализовать её с максимальной эффективностью.

Содержание

Юлетатич кеина вззов	6
Раздел 1	8
Высшая форма речи	10
«В начале было Слово...»	14
Литература начинается в человеке	17
Графомания и графоманомания	20
Что было и что будет	24
Раздел 2	27
Собрание несочинений	29
Работа и свобода	32
Оазисы времени	35
Притча о наполненном кувшине	38
Настроение	40
Форточки вдохновения	43
Кладоискательство тем	49
Черновики и чистовики	54
Раздел 3	60
Общие принципы писательской работы	62
Притча о быстрой лошади	62
Торможение и тормошение	63
Притча о приставшем зёрнышке	64
Принцип следующего слоя	65
Притча о живописце Апеллесе	66

Грунтовка, работа вдоль и работа поперёк	67
Притча о двух стрелах	69
Принцип преимущества изображения	69
На чём делать УПООР	71
Закон трёх «В». Витамины литературного творчества	74
Закон трёх «З». Завершение замысла	77
Закон трёх «С». Средства сочинителя	79
Закон трёх «У». Удачные свойства повествования	82
Произведение как ДОМ	84
Кем приходится быть автору	88
Раздел 4	91
Зачем нужны жанры	93
Определение: самый ёмкий жанр	96
Афоризм и определение	96
Понимание, требующее понимания	97
Первооткрывательство смысла	99
26 способов придумывания определений	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Написать свою книгу То, чего никто за тебя не сделает

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3243-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлетатич кеина в33ов

Уверен, что часть читателей уже расшифровали заголовок самостоятельно. Просто из спортивного интереса. Им легко будет читать эту книгу.

Надеюсь, что остальные возьмутся за дело сейчас. Это вполне по силам каждому. Попробуйте, хотя бы для самоутверждения. Получилось? Дальше получится ещё лучше, потому что головоломок больше не будет.

Мой *вззов* состоит в предупреждении: **читать эту книгу опасно!**

Потому что её задача – столкнуть тебя, читатель, с тобой самим.

С тем тобой, кто ощущает глубину своей личности, тайну замысла о ней. Кто тяготится разрывом между этим замыслом и повседневной упрощённостью жизни.

С тем тобой, кто талантлив внутренне и хочет понять, что делать со своим талантом. Как направить его на улучшение мира.

С тем тобой, кто не даст тебе покоя, когда узнает, что написать свою книгу можно и необходимо.

И ещё одно предупреждение: это книга не о том, как заработать деньги литературным трудом.

До сих пор вспоминаю разочарование одной женщины, которая после двух-трёх посещений литературной студии спросила:

– А когда вы научите писать нас, как Джоан Ролинг?

– Зачем? – изумился я. – Зачем писать, как другой человек, а не по-своему?

– Как зачем? – в свою очередь удивилась женщина. – Чтобы деньги зарабатывать. Время такое.

На самом деле, оно не такое. Каждый из нас по-своему видит время. И если начинаешь замечать, что сквозь него всегда немного просвечивает вечность, возникают совсем другие заботы. Они не отменяют потребности в хлебе насущном, но переосмысливают всё, с чем мы имеем дело. Тогда и просыпается наша потребность в Слове, в тех великих возможностях, которые оно нам открывает.

Раздел 1

Зачем человеку писать

Пошёл однажды записчик ловить рассказчика. Чтобы было о чём писать. А тут один рассказчик отправился ловить записчика. Чтобы не зря рассказывать. Поймали они друг друга – и давай один рассказывать, а другой записывать. Вот уже и книга перед ними. Только чья же это добыча? Каждый к себе тянет. Наконец догадались копию сделать – и разошлись. Каждый домой с трофеем пришёл, гордясь своей охотничьей удачей.
Сказка-крошка «Рассказчик и записчик»

Очень нравится мне один старый анекдот про человека, который пришёл устраиваться на работу. Его спрашивают:

– Что вы можете делать?

Подумал человек, отвечает:

– Могу копать.

– А ещё что?

Снова подумал, говорит:

– Копать могу.

– Ну, а ещё что-нибудь можете?

Задумался человек, почесал в затылке и вдруг оживился:

– Да! Могу не копать.

Так вот в том, что каждый из нас может «не копать», сомнений нет. Тут у любого найдутся весомые обоснования, даже целые теории, почему именно он копать и не собираются. Особенно грустно слышать это от людей интересных, живущих неординарно: ведь каждая написанная таким человеком страничка дышала бы той же неординарностью. Бывает и обратная концепция: «Жизнь у меня обычная. Что я такого примечательного могу написать? Зачем мне это нужно?» Но особенность литературного творчества именно в том, что оно позволяет докопаться до примечательного и необычного в любой жизни — если копать.

Высшая форма речи

*Писать – это особый способ разговаривать:
говоришь, и тебя не перебивают.*

Жюль Ренар, французский писатель XIX века

Не начать ли нам с эксперимента? Взять да и перестать разговаривать – на год. Невозможно? Ну, на месяц, на неделю. Хоть на день. Тоже нелёгкий эксперимент будет. Но поучительный...

Дар речи, свойственный человеку, – одно из привычных чудес нашей жизни. Настолько привычных, что и не принято особенно им восхищаться. Умеем говорить – и хорошо.

Вот если способность к разговору нарушена, мы остро ощущаем: это неправильно! Тогда пробиться от немоты к речи становится важнейшей задачей. Хоть раз в жизни такая задача стоит перед каждым из нас. К счастью, большинство решает её играючи, в раннем детстве, когда нам даны особые возможности по овладению этим даром.

Письменная речь – менее привычное чудо. Мы даже склонны считать пишущего человека кем-то особенным: ПИСАТЕЛЕМ. Бывает, в уважительном смысле, бывает, в ироническом, но подразумевается, что это дело требует специфической душевной расположенности.

Не письменная сторона речи здесь важна (чтобы именно сидеть и писать на бумаге – гусиным пером или шариковой ручкой). Главное в том, что это *сохраняемая* речь. Когда-то её сохраняли путём запоминания, заучивания наизусть, передачей из уст в уста. Потом научились записывать, потом тиражировать. Сейчас обычно сохраняют в компьютере, но суть не меняется. Это текст, с которым можно работать, можно дополнять и редактировать, к нему можно возвращаться, доводить до наилучшего возможного вида.

С помощью сохраняемой речи (впрочем, проще пока называть её по старинке письменной) мы можем запечатлевать, обдумывать и углублять те мысли, переживания и фантазии, которые дарят нам сознание и разум. И даже какой-нибудь пустяк, облечённый в слова и сохранённый с их помощью, приобретает особое значение с течением времени или с изменением обстоятельств.

И всё-таки главное достоинство письменной речи, конечно, в том, что в ней наша личность достигает концентрированного выражения. Ты можешь сохранить свои уникальные переживания и те мысли, которые приходят именно в твою голову. Ты можешь соединить прошлые ощущения и размышления с новыми. Ты можешь дополнить то, чего не хватает в написанном. Если говорить об устной речи, то как часто мы жалеем о том, что вовремя не сказали, – или, наоборот, о том, что сказали лишнего! Письменная речь позволяет нам исправить такие упущения, позволяет изменить на-

писанное так, чтобы оно стало ещё интереснее, ещё точнее. Она позволяет соответствовать самому себе. Позволяет говорить по-настоящему.

Письменное слово необходимо, чтобы лучше понять свой внутренний мир. А также мир внешний: мы можем глубже понять смысл и почувствовать вкус событий, происходящих вокруг. Написанное углубляет пишущего, создаёт особенно насыщенную жизнь.

Неоценимую роль играет письменная речь и в человеческом общении. В письме мы можем говорить с теми, кто нам дорог, так, как нам этого хочется. В дневнике можем рассказать о происходящем сейчас тем, кто будет после нас. В статье – сформулировать и заострить свои взгляды на происходящее в обществе. В книге – выразить себя так, как не сможет ни один другой человек, потому что он другой, и благодаря этому общаться с близкими душами, с которыми жизнь нас никогда не сводила.

Письменная речь – это высшая форма речи. Не пользоваться ею, или пользоваться только в канцелярских целях – всё равно что упрямо оставаться немым или косноязычным.

Странно выглядел бы человек, который отказался бы вообще говорить вслух, потому что у него нет на это времени, нет специальной подготовки, или просто не хочется. Но сколько раз я встречал людей, которые приводили примерно такие же доводы, объясняя, почему они не пишут

о том, о чём удивительно интересно рассказывают.

Овладение хорошей письменной речью требует, разумеется, определённых усилий. Причём не стихийных, как в начале жизни, когда мы овладеваем речью устной, а вполне сознательных. Усилий, конкурирующих с другими житейскими заботами. Надо знать о средствах и возможностях письменного разговора, овладеть минимальными навыками. Но пробиться от устной речи к письменной столь же важно, как пробиться от немоты к речи.

Каждый из нас должен уметь говорить не только устно, но и письменно. Каждому стоит дружить с письменным словом. Я бы даже сказал так: *каждый должен написать свою книгу*. У кого-то она будет тоненькой, у кого-то многотомной, но эту книгу – твою! – за тебя никто не напишет.

«В начале было Слово...»

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.
Николай Гумилёв, русский поэт XX века*

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Так начинается Евангелие от Иоанна. Безотносительно к теологическим толкованиям мы чувствуем ту особость дара речи, о которой свидетельствует эта фраза.

Речь связана с ещё одним нашим даром: с разумом. Разум в высшем смысле этого слова – не житейский рассудок, не обывательский здравый смысл, не научный рационализм, а нечто большее, придающее цельность нашим ощущениям и чувствам. Божий дар человеку, разум можно назвать *зрячим светом*. Он и озаряет нашу жизнь, и несёт способность видеть. Письменное слово позволяет максимально использовать оба эти свойства. Нам всем дано слово. С его помощью и пишущий, и читающий человек особым образом вглядываются в жизнь.

Наше слово – излучение разума. Письменное слово – излучение, длящееся до тех пор, пока существуют те, кто может прочесть его.

Письменная речь – не только *проявление* нашей личности. Для многих людей это ещё и способ *становления*, постижения того замысла, который лежит в основе судьбы. Когда я пишу, я могу обдумать как следует то, что не успеваю понять в житейской текучке. Могу свести воедино различные времена своей жизни и различные настроения. Написанное позволяет мне увидеть траекторию движения, путь, идущий от одного этапа к другому.

Каждый может написать свою книгу. Или – каждый *должен* написать свою книгу? Или – каждый *уже пишет* свою книгу? И вопрос лишь в том, будут ли в этой книге только школьные сочинения, случайные записки, служебные отчёты – или будет что-то, выражающее главное, заложенное в человеке.

Письменная речь может оказаться для нас средством, чтобы осознавать себя, становиться собой в полной мере. Она побуждает подытоживать, обобщать, конденсировать пережитое, понятое, найденное. В стихах мы осмысливаем происходящее с нами метафорически. В художественной прозе – через персонажей и ситуации. По-своему работают на это и другие жанры.

С помощью письменной речи мы лучше ориентируемся в своём внутреннем мире. Когда мы пишем, это становится для нас и шансом понять, как жить, какие из возможностей заслуживают нашего выбора и в каком направлении выстра-

ивать свою жизнь дальше.

Более того, письменная речь может стать для нас средством поддерживать других. Поделиться своим опытом (уникальным для каждого человека) в наиболее выразительной форме!.. Как часто это становится ободрением для совершенно незнакомых людей. Незнакомых, но живущих здесь, на этой же земле, под этим же небом.

Слово было у Бога, и в нём всегда остаётся частица божественной сути. Оно и в наши дни творит чудеса с человеческими душами. И когда мы обращаемся к письменному слову, то неминуемо вступаем в сферу этих чудес.

Литература начинается в человеке

*Литература – средство существования языка,
а значит и нас с вами.*

Иосиф Бродский, русский поэт XX века

Пока мы растём (а иногда и позже), нам кажется, что книги, литература – это некий особый мир, приподнятый над нашей обыденностью. Что писатели, поэты – необыкновенные существа, наделённые свыше правом волновать наше сердце и воображение магическими словами. Наверняка такие переживания свойственны не каждому (иначе откуда бы брались люди, множество людей, которым книги вообще не нужны), но я ведь обращаюсь не наугад, а к тому, кто читает эти страницы. И в подобных первоначальных переживаниях проявляется мощная сила литературы, жизнь которой развивается именно в читающем человеке.

Со временем, начиная глубже понимать и жизнь, и людей, и литературу, мы обнаруживаем, что у каждого автора есть свой человеческий путь, который начинается вовсе не с вручения небесной лицензии на писательскую деятельность. Даже самый гениальный писатель проходит период первых попыток соединять слова в письменную речь. Лишь со временем, в результате новых и новых усилий, возникают те произведения, на которые откликнется душа читателя. Но даже в период начальных попыток в пишущем человеке уже

пульсирует литература – та возможность высказать свой особенный взгляд на жизнь, который будет интересен многим и многим людям.

Главный ресурс литературы – это первооткрывательство (не будем здесь говорить о плагиате). Оно происходит и с помощью того, что мы читаем, и с помощью слов, которые пишем сами. Это открытие внутренней энергии, подобно углю, нефти или газу.

Сначала мы встречаемся с этой удивительной литературной энергетикой как читатели. Мы обнаруживаем книги, которые нас вдохновляют. Раскрывают неизвестные стороны жизни, закоулки человеческих душ. Будят в нас не испытанные доселе чувства, заставляют задуматься о новых для нас проблемах...

Потом, начинаем всерьёз осваивать письменную речь, мы обнаруживаем, что открытия делает не только читающий, но и пишущий человек.

Сначала это может показаться странным. Понятно, что мне может открыть новое писатель, имеющий иной жизненный опыт. Но откуда берётся новизна во мне самом? Почему, когда я пишу на какую-то тему, то обнаруживаю новые, даже иногда неожиданные для себя идеи? Каким образом при перечитывании того, что было написано мною много лет назад, возникает ощущение предугадывания некоторых поворотов судьбы? И более того – я могу встретить в давно написанном

мысли, поучительные для меня-сегодняшнего.

Психолог придумает, наверное, для всего этого рациональные объяснения. Хотя, мне кажется, они не исчерпывают того, что происходит в процессе литературного творчества. Любое чудо глубже интеллектуальных интерпретаций, которые нам предлагают с разных сторон.

Так или иначе, постепенно привыкаешь к этому явлению: к возможности делать открытия с помощью письменной речи. С помощью не только той литературы, которую читаешь, но и той, которую пишешь.

Написанное отличается от сказанного тем, что в него можно входить снова и снова. В детстве и в отрочестве многие любят перечитывать книги. Что это? Стремление повторить полученное удовольствие? Или последовательное освоение текста на новых уровнях?

Взрослые тоже порою перечитывают книги. Для этого, взрослого перечитывания, несколько другого по своей природе, существуют свои мотивировки. И самая удивительная из них: возвращение к книге «для подзарядки», как к источнику энергии. Так что каждый пишущий, может быть, участвует в создании душевной энергетики будущего. Энергетики открытий, смыслов и пониманий. Той энергетики литературы, которая начинается в человеке и приходит человеку на помощь.

Графомания и графоманомания

Графоман – это человек, который пишет не своё.

Есть такое слово-пугало: графомания. Термин, заимствованный из психиатрической медицины, где он относится к больным людям и означает совсем не то, что подразумевают в обиходе. Но людям здоровым нравится дубасить им друг друга. Насмотревшись на это, задумаешься, стоит ли пробовать писать вообще. А то неровён час – и поставят тебе клеймо (да и не диагноз ли?) – «графоман». Так что полезно заранее присмотреться: что же стоит за этим словом. Вернее, за его употреблением.

Действительно, что будет с нашим миром, если все начнут писать книги? Их и так слишком много! В большом книжном магазине просто глаза разбегаются...

Если так рассуждать, можно страдать и от обилия людей вокруг – если мы смотрим на них как на массу, на толпу. Но когда мы сосредотачиваемся на *одном* человеке, дело уже не в количестве, а в том, каков этот человек. Тогда нас перестаёт нервировать толпа. И когда мы устремляем внимание на *одну* книгу (написанную или не написанную), всё встаёт на свои места. Нас уже не беспокоит пёстрая книжная вит-

рина. Так что важно исключить в мозгу калькулятор, суммировавший людей или книги в устрашающую массу.

Или вот ещё один аргумент тех, кто любит пугать графоманией: если все станут писателями, то где же взять читателей? Поглядите, люди добрые, сколько текстов в интернете, а ведь там отметились ещё далеко не все желающие что-нибудь высказать. Кому же читать всё это?

Чтобы не впадать в панику, нужно вспомнить, что читатели – тоже люди, а не безликая масса.

Первая интересная разновидность читателя – это сам автор. Ведь письменная речь – это прежде всего углублённый разговор с самим собой. Возможность как следует разобраться в том, на чём не позволяет сосредоточиться текущая мысль или устная беседа.

Второй тип читателей – близкие нам люди. Письменное слово даёт возможность поделиться внутренним опытом, это многого стоит. И особенно ценно для тех, кто близок друг к другу по жизни. А может быть, и для тех, кто придёт в жизнь вслед за нами и для кого мы окажемся предками.

Во многом расширение круга читателей зависит не от нас. Никто не может заранее предугадать судьбу написанного. То, что не вызывает интереса сейчас, позже может оказаться необходимым для многих. Наше дело пытаться. Удачи – это Божье благословение стараний. Решающую роль может сыграть даже один-единственный читатель, если он спосо-

бен оценить, если сумеет привлечь к тому, что считает значительным, внимание других людей.

К термину «графоман» прилагается и веский довод о том, что обозначенный им человек пишет заведомо плохо. Здесь уместно полюбопытствовать, какие выбраны критерии качества. Иногда графоманией хочется назвать как раз ловко написанный, вполне профессиональный в технологическом смысле текст – и не поворачивается язык сказать такое про неуклюже составленные, но искренние строки, полные мучительного стремления высказать переживания души.

Если пользоваться этим словом правильно, прилагать его надо не к тому, кто пишет много или неумело, а к тому, кто пишет впустую, избегая того самого главного, что живёт в его душе. Графоман – это граф Обман, у которого невозможно вычитать что-нибудь интересное. Как сказал философ Мераб Мамардашвили: «Графоманство – это писательство, внутри которого ничего не происходит». Графоман – это человек, который пишет *не своё*, вот почему это скучно.

Тот, кто пишет *своё*, не годится в графоманы. Ведь он рассказывает о том замысле, который вложил в него Господь (или природа, если мы пользуемся этим псевдонимом). Замысел этот всегда уникален. Уникально и *своё*, написанное любым человеком, – если он старается пробиться к себе, а не остаётся на поверхности общих фраз.

Кто же и почему так настойчиво кричит о графоманах, что впору придумать ещё один термин – ГРАФОМАНОМАНИЯ – и отмечать им особенно неистовых?..

Может быть, это те, кому лень и писать своё, и читать чужое? Или те, кто пишет сам (неважно как, хорошо или плохо), самолюбиво важничая этим и потому опасаясь конкурентов?..

Впрочем, какая разница, кто грешит графоманоманией. Главное – не позволять обескуражить себя ярлыком «графо-ман», не дать в обиду и другого, если он пользуется письменной речью честно. Будем твёрдо знать, что литература – это словесное творчество личности. Какие бы авгуры ни отпихивали нас от «храма литературы», у каждого есть право на личное освоение этого творчества.

Что было и что будет

Слово – дверь к откровению.

Литература и литературное творчество связаны парадоксальным образом. С одной стороны, словесному творчеству предшествует знакомство с существующей литературой. Именно она прививает нам вкус слова, знакомит с возможностями письменной речи. С другой стороны, литература – это уже вчерашнее творчество. Большинство авторов уже закончили свой жизненный путь. Большинство произведений посвящены прошедшим временам. В основном мы знаем литературу по её прошлым достижениям. Может ли она научить нас тому, как писать сегодня? И да, и нет.

Свод знаний о литературе называется литературоведением. Очень хорошо, что есть на свете самоотверженные исследователи, изучающие историю литературы, биографии писателей, особенности написанного. Классифицирующие произведения по их характерным свойствам на «жанры». Объединяющие писательские судьбы в «литературные группы», а подходы к творчеству в «течения». Открывающие новые подробности давних литературных «процессов» и выявляющие тенденции более современных. Составляющие словари и энциклопедии. Литературоведение, как и всякое научное

изучение жизни, очень авторитетно, суждения его весомы, и может показаться, что именно оно больше всего знает о литературе.

Но каждый из нас знает о литературе нечто, чего литературоведение не расскажет. Любый читающий человек чувствует, что литература даёт именно ему. Прошлая, написанная когда-то литература – ему-сегодняшнему. И это гораздо важнее сведений, которые готово предоставить литературоведение.

Ещё значительнее личный опыт пишущего человека. Любой, кто взялся за перо и написал начало первой фразы, имеет дело не с тем, что *было*, а с тем, что *будет*. Он один из создателей литературы, сколь скромным ни было бы его произведение. Существующая литература всегда будет его первой наставницей в письменной речи. Но завтрашняя литература начинается сегодня.

Почему с таким восторгом была воспринята фраза из романа Булгакова: «Рукописи не горят»? Это объясняется не только горьким опытом и выстраданной надеждой пишущих людей, чьи рукописи и книги арестовывали и заточали в особые комнаты-тюрьмы спецхрана. Дело ещё и в том, что в ней чувствуется вкус высшей правды.

Слово остаётся навсегда! Именно письменное слово, сфокусированное личностью, сосредоточенное и выразительное, не может исчезнуть: оно причастно вечности. Даже если бы

исчез сам текст, написанное по-настоящему и прочитанное хотя бы одним человеком впитывается в душу, становится её частицей и потом бессмертно настолько же, насколько бессмертна душа.

Слово навсегда остаётся и в душе того, кто написал его, – тоже не как текст, а как часть проделанной жизненной работы. Не только мы формируем фразу из слов и текст из фраз, но и наше слово формирует нас самих.

Здесь и проходит линия взаимообмена литературы и литературного творчества. Литература входит в наш мир, а написанное нами – в мир литературы. Только не будем путать его с миром литературных тусовок и премий. У завтрашнего дня свои способы разобраться в ценности написанного. По сути они остаются теми же, что вчера и сегодня: только личность воспринимает написанное личностью и решает, важно для неё это или нет.

Слово остаётся навсегда – и хорошо, когда есть чему оставаться.

Раздел 2

Решение проблем

На вокзальной площади стоял книжный лоток. Заметил Либрум, что никто оттуда без книг не отходит. Смотрит, книги самые пустячные. Но продавец глянул на Либрума, полез под прилавок и достал книгу, о которой тот давно мечтал. И вторую, не хуже, и третью... «Что у вас ещё есть?» – не выдержал Либрум и заглянул под прилавок. А там пусто. «Вообще-то я фокусником работаю, – извиняется продавец. – Вот для каждого покупателя подходящие книги и сотворяю. Хотите ещё одну? Сейчас сделаю».
сказка-крошка «Продавец-сотворитель»

Литературное творчество (или, если в этом выражении слышится излишний пафос, просто: письменная речь), как и всякое жизненное занятие, требует усилий. Странно, если было бы иначе. Но иногда нам кажется, что это дело связано не просто с усилиями, а с неодолимыми проблемами.

Писать? Зачем? О чём? Когда? Как?.. То, что я могу написать, никому не интересно!.. У меня столько других дел!.. Ни минуты времени!.. У меня нет настроения!.. Нет вдохновения!.. Понятия не имею, как найти тему!.. Даже если я что-нибудь запишу, это потом теряется!.. Книги пишут писатели, у меня другие занятия!..

Но с помощью таких отговорок не спрятаться от некоторых важных фактов жизни. От факта собственной уникальности. От факта владения письменной речью. От факта существования особых возможностей, которые она нам открывает.

Конечно, проблемы существуют. На их решение и будут в первую очередь направлены усилия пишущего человека.

Собрание несочинений

*Замысел – хомут творческого человека,
с энтузиазмом подготовленный для
собственной шеи.*

Всё, что сочинил писатель, можно собрать в собрание сочинений. А мы начнём разговор о путях литературного творчества – с *несочинений*.

Что если сыграть самому с собой в игру под названием «Собрание несочинений»? Она состоит в том, чтобы на листке бумаги составить перечень книг, которые ты *мог бы* написать (или составить), если бы на это было достаточно времени, сил, да и всяких других жизненных условий. Просто список из предположительных названий, безо всяких комментариев. Может быть, на это хватит и полстранички.

Можно пофантазировать во все стороны! Ты ничем не рискуешь. На этот список нужно не так уж много времени. И никто не заставит тебя писать эти книги. Это же НЕСОЧИНЕНИЯ. Зато как интересно заглянуть в свои желания, в свои возможности, пусть даже самые мечтательные!..

И не просто заглянуть. Ведь результат этой игры (в самом деле игры? или в этом есть что-то большее?), несмотря на его малый объём, необычайно значителен. Мы словно заглянули в волшебное зеркало, показывающее наше возможное буду-

щее.

Пусть эти книги ещё не написаны. Но они задуманы тобой, они наполнены твоим желанием, твоим представлением о них. *Собрание сочинений* говорит о том, что писателю удалось написать когда-то. *Собрание несочинений* говорит о том, что человек видит впереди.

Если перейти от игры к делу, через несколько лет какие-то из несочинений окажутся написанными. Какие-то ты раздумаешь сочинять. А к тем, что остались в планах, прибавятся новые. С течением времени оно обязательно будет меняться, твоё собрание несочинений, – так же обновляясь, как и его автор. Оно всегда будет говорить о творческих замыслах сегодняшнего дня, обращённых в день завтрашний.

Вообще говоря, каждому пишущему человеку, и начинающему, и профессиональному писателю, полезно составить своё собрание несочинений. Составить – и время от времени обновлять его. Можно считать это планом своей литературно-творческой жизни, или мечтой, или надеждой. В любом случае это одна из сторон представления о замысле своей жизни.

Никто не заставит тебя написать твою книгу, кроме тебя самого. Но никто и не напишет её за тебя. Может быть, это единственная работа, которую никто в мире за тебя не делает. Не напишешь её – и никто не напишет, потому что это *твоя* книга.

Так что «Собрание несочинений» может остаться всего лишь игрой, но может стать и чем-то большим. Например, христианский писатель Александр Мень в двенадцать лет составил список книг, которые хотел бы написать, – и все появились на свет, а к ним добавились и другие.

Работа и свобода

Работа – это тягость, переходящая в радость.

Литературное творчество – это просто такое увлечение? Или стоит овладевать им как ремеслом, чтобы со временем сделать его своей работой? Но сохранишь ли при этом творческую свободу?..

Прежде чем отвечать на эти вопросы, хорошо бы понять: а что такое для тебя работа? К какой свободе ты стремишься?

Если работа – средство зарабатывания денег, вряд ли можно отнести литературу к числу наиболее эффективных способов. Тем более в нашей стране и в наше время. Если при взгляде на некоторых раскрученных авторов могут возникнуть какие-то иллюзии, они быстро рассеются при знакомстве с общедоступной реальностью. А если к тому же не хочется, чтобы творчество превратилось в усталое ремесло, то, может быть, и не стоит пытаться поставить его на коммерческую основу. Слишком дорого придётся заплатить. Прежде всего – творческой свободой.

Но попробуем подойти с другого конца. Настоящая свобода – это возможность становиться собой. И здесь литературному творчеству цены нет. Оно и сосредотачивает, и расширяет. Помогает заглянуть в самую глубину души – и взле-

теть мыслью к высшим ценностям жизни. Оно будит воображение и поощряет фантазию.

«Свобода – это воля, которой дали волю», как сказал современный философ Александр Круглов. Каждый из нас может дать себе волю с помощью слова. Ту волю, которая побуждает быть самим собой, стремится как можно выразительнее, как можно ярче отвечать заложенному в душе призванию.

И вот, когда эта свобода самостановления, словесного (а значит и умственного, и душевного, и духовного) самовыражения станет естественной потребностью, она вполне может превратиться в работу. Вернее, в один из видов деятельности, которыми ты занят в жизни, в одно из важных и привычных дел. Это дело может оказаться малоденежным или вовсе безденежным, но и такие занятия свойственны человеку (например, воспитание детей в семье), как раз они-то зачастую играют определяющую роль в судьбе.

Работа, не обеспечивающая нам материальные средства существования, обычно лишена достаточных ресурсов времени. Но достаточными могут стать любые ресурсы, если научиться управлять ими. Нам помогут в этом и короткие литературные жанры, и удобные формы работы в дороге, и навыки поиска тем, и психологическая сосредоточенность, и многие другие рабочие методики, применимые в сфере литературного творчества. Не все, разумеется, а выбранные и освоенные нами, подогнанные под себя, приспособленные

к нашим обстоятельствам. Здесь начинается наша работа по собственному свободному выбору.

Оазисы времени

Оазис – это заповедник выживания.

Главная проблема для активного современного человека – это нехватка времени на все те виды деятельности, к которым он тяготеет.

Можно было бы философично заметить, что каждый сам выбирает, на что расходовать время. Но когда речь идёт о занятии, которое ещё не стало привычным, не вошло в ткань нашего существования, трудно остановить выбор именно на нём. Кто знает, что из этого когда-нибудь получится, а время-то нужно выкраивать сейчас, отрывая его от дел, ставших необходимостью...

Вот тут и может прийти на помощь «оазисный» подход.

Выглядит он так. Отведём на *письменные разговоры* совсем небольшой оазис времени в нашем дне, засыпанном множеством дел, как пустыня песком. Выгородим полчаса (или даже пятнадцать минут) для высшей формы общения. Но постараемся, чтобы это был устойчивый оазис. Чтобы ему было выделено более или менее определённое время и чтобы этот наш крошечный участок жизненной почвы был отгорожен от всего остального. То есть полчаса – так полчаса, а не двадцать минут. А если пятнадцать минут, тоже не меньше, не двенадцать и не десять. Если больше получится –

не страшно. Но не меньше. Да ещё к этому своему оазису, чтобы он был как можно плодороднее, лучше подходить подготовленным, настроенным, готовым к работе.

Теперь займёмся арифметикой. Легко прикинуть, что при пятнадцатиминутном оазисе у нас наберётся за год почти сто часов чистого рабочего времени! А если полчаса? – это же вообще грандиозно! Есть где развернуться. Есть на что надеяться.

Нашего внимания заслуживают и другие, стихийные оазисы. То есть участки времени, свободные от других занятий, которые можно обиходить и превратить в участки творчества.

Оазисы ожидания. К сожалению, нам нередко приходится проводить время в ожидании – человека, самолёта, приёма... Но почему к сожалению? К радости нашей будет любое ожидание, если мы окажемся готовы использовать его как время для творчества. Дело не только в том, чтобы вдруг спохватиться. Надо заранее и блокнотик припасти, и карандашик, и предвкушение: если ждать придётся, с удовольствием вот об этом напишу, или о том... Так мы приучим себя *ожидать* саму возможность использовать драгоценное время ожидания для интересного дела. Куда лучше, чем проводить его в скуке и маяте.

Оазисы дорожного времени. Пусть и дорожное время станет для нас *дорогим*, драгоценным. Всем хорошо новое место работы, только добираться до него от дома – полтора часа на метро. Так я печалился несколько лет назад. Вспоминая об этом с улыбкой, потому что дорога из дома и домой стала у меня буквально рабочим кабинетом. Пятнадцать минут от дома до метро – утром, по свежему воздуху – замечательный временной оазис для небольшого стихотворения, для формулировки новой мысли, для придумывания сюжета. Пятнадцать минут от метро до работы – второй такой же оазис, лишь бы не забыть записать то, что пришло в голову, до входной двери. А остальное – в метро. Если сижу, то пишу или редактирую. Если стою, обдумываю то, что запишу, когда освободится место. Что-то особенно интересное и стоя запишу. Пересадка – для того, чтобы встряхнуться, чтобы мысли пошли по-новому. На обратном пути с местами полегче, но сочинять в уставшем состоянии трудно. Зато редактировать – запросто. Или просто посидеть, пофантазировать... А ведь есть ещё и поезд, и другие виды транспорта...

Оазис болезни. Разве не замечательно превратить *болезненное* время в *полезное*? Жар приносит восхитительно бредовые мысли. Боль придаёт размышлениям философичность. Необходимость лежать превращается в возможность размышлять. Главное – чтобы тетрадка с ручкой рядом лежали. Или – я рядом с ними?..

Всё это лишь примеры. Каждый может добавить к ним те оазисные подходы, которые лучше всего отвечают его жизни и темпераменту. А в завершение – одна притча.

Притча о наполненном кувшине

Во двор к одному богачу зашёл голодный нищий. Богач как раз стоял на крыльце своего дома. Услышал, что нищий просит поесть, и велел дать ему большую миску супа. Когда нищий всё съел и даже миску вылизал, богач спросил:

– Ну что, сыт?

– Сыт, сыт, барин, спасибо, – закивал нищий.

– А ну-ка наложите ему полную миску мяса, – распорядился богач.

Нищий снова съел всё дочиста.

– Ну что, сыт? – повторил свой вопрос богач.

– Да-да, спасибо! Теперь-то я уж точно наелся.

– Принесите ему ещё кувшин молока, – приказал богач.

Нищий и молоко выпил до капли. А богач рассмеялся и спросил:

– Зачем же ты, обманщик, каждый раз говорил, что сыт?

В ответ нищий взял кувшин и доверху наполнил его камнями, подобранными с земли.

– Полон ли кувшин? – спросил он богача.

– Конечно, – ответил тот.

В промежутки между камнями нищий насыпал, сколько мог, песку, и спросил снова:

– А теперь полон?

– Ну, теперь-то уж наверняка! – воскликнул богач.

Тогда нищий налил в кувшин воды, наполнив его и в третий раз. Ничего не сказал богач, повернулся и ушёл к себе в дом.

Мне кажется, это притча не о голоде и даже не о кувшине, а о наших неисчерпаемых возможностях, касается ли это времени или чего-нибудь другого.

Настроение

Душа – это поэзия духа, придавленная прозой жизни.

Итак, ты заботливо организовал себе оазис времени, сел за стол, придвинул бумагу, взял ручку... и обнаружил, что настроение у тебя совершенно неподходящее для литературного творчества. Ведь бывает же так?

Бывает. До тех пор, пока не выработал иное отношение к своему настроению. До тех пор, пока не сказал себе:

Настроение – это внутренний материал для творчества.

Перед тем, как выйти на улицу, мы интересуемся погодой. Холодно там или тепло? Сухо, сыро или грязно? Палит солнце, накрапывает дождик или льёт ливень?.. Но если действительно надо идти, вопрос не в том, остаться дома или не оставаться, а в том, чтобы подходящим образом одеться.

То же самое и с настроением. Присмотревшись, можно сообразить, как приспособиться к нему. Как быть с этой внутренней погодой. Что делать с теми ресурсами, которыми располагаешь на данный момент.

Например, можно попробовать подыскать для теперешнего настроения подходящую литературную направленность,

к которой оно располагает.

— **Беззаботное** настроение? Не сочинить ли весёлую песенку...

— **Безрадостное**? Можно заняться каким-нибудь трагическим сюжетом...

— **Философическое** настроение, наверное, подойдёт для задумчивого эссе...

— **Отвратительное** вполне можно потратить на что-то резко сатирическое...

— **Шальное** пригодится для экстравагантной сказки...

Сколько угодно других примеров ты приведёшь самостоятельно – более удачных, потому что более ориентированных на собственную индивидуальность. Чтобы каждый из них был связан не с настроением вообще, а именно с каким-то из твоих характерных настроений. Лучше всего даже не *приводить* эти примеры, а опробовать их на практике.

Существуют и другие возможности превращать настроение в полезное обстоятельство.

— Зафиксировать дневниковым образом (можно даже сказать: запротоколировать) поток переживаний, свойственных именно этому настроению. Рано или поздно это вполне может пригодиться для кого-нибудь из персонажей.

— Придумать, создать персонаж, соответствующий на-

строению. Или тему, или сюжет.

— Выразить своё состояние в стихах. Стихи – это вообще замечательный консервант настроения. Сладкого, солёного, маринованного, да и любого другого.

— Проза, напротив, хорошо подходит для обрисовки образов, порождённых настроением, или для его психологического анализа.

— Отвести душу в отточенном афоризме, связанном с текущими переживаниями.

Наконец можно относиться к настроению как к *топливу творчества*. Чтобы согреться или приготовить еду, жгут и дрова, и уголь, и газ, и болотный торф, и просто мусор.

Материал или топливо, в любом случае из всякого настроения можно извлечь тот смысл и те эмоциональные вибрации, которые в нём содержатся. И гораздо интереснее позаботиться о том, как это сделать, чем бурчать про себя (или, чего доброго, вслух): нет у меня сейчас настроения. Какое-никакое, оно есть у нас всегда.

Форточки вдохновения

Вдохновение – это вдох творческого обновления.

Можно относиться к вдохновению как к чему-то, совершенно от тебя не зависящему. Тогда остаётся терпеливо дожидаться, когда оно соизволит тебя посетить. Но разве это естественно – *терпеливо дожидаться вдохновения?! Или* устало оправдываться: ну, нет вдохновения, что я могу поделать. Оправдываться и дожидаться можно хоть всю жизнь, но право же, лучше распорядиться ею по-другому.

Вдохновение – это творческое дыхание. Для дыхания нужен свежий воздух. И можно научиться открывать форточки своего внутреннего мира навстречу тому Миру, из которого идёт к нам вдохновение.

Такие форточки наверняка существуют у каждого. Правда, некоторые из них могли подолгу не использоваться, так что потребуются приложить поначалу какую-то силу, чтобы их открыть. Форточек этих гораздо больше, чем кажется. Придётся приводить примеры даже не по отдельности, а прямо *группами форточек*. Трудно угадать, сколько для кого может оказаться их в каждой группе. Да и кроме этих видов почему бы не существовать другим?

Первая группа форточек:

– **Поиск тем**, на которые откликается душа. Отсутствие вдохновения при мысли об одной возможной теме вовсе не означает, что его нет вообще. Надо примериться к другой, к третьей, к четвёртой... На какой-то из них забываешь про дальнейшие поиски, потому что вдруг *захотелось* написать именно об этом. Это и означает, что форточка открыта.

Вторая группа форточек:

– **Охота** за мыслями и ощущениями, образами и метафорами, рифмами и созвучиями. Это не поиск тем, это совсем другое. Это действительно охота, и лучше заниматься ею не за письменным столом, а отправившись туда, где водится много разнообразной дичи. На природу, в книжное путешествие, или хотя бы просто выйти на улицу. Что за мысли пролетают в голове?... Какие ощущения приходят, сменяя друг друга?... На что похоже вон то, с чем можно сравнить вот это?... О чём говорит своим звучанием выбранное слово, какие другие слова оно зовёт к себе в компанию?... О метком попадании узнаёшь, ощутив желание сохранить, записать пришедшее на ум. Охота идёт, форточка приоткрыта!..

Третья группа форточек:

– **Внимание к чудесам и тайнам** нашей жизни, к её удивительным явлениям. Сколько их вокруг нас – больших и малых чудес, великих тайн и сиюминутных загадок!.. Сколько такого, чему стоит удивиться, во что стоит взглядеться –

и вот уже приходит лёгкое и свободное творческое дыхание. Не под твоим ли замороженным взглядом приоткрылась форточка вдохновения?..

Четвёртая группа форточек:

– **Обращение вверх**, за помощью, к Высшему. Ничего страшного, если поначалу трудно обратиться Туда. Только не надо отступаться. Не обязательно даже, чтобы это была какая-то словесная просьба. Можно сосредоточиться на том, что есть главного в тебе, – и это тоже направит душу в ту же сторону: к призванию, к замыслу. И если распахнётся *такая* форточка – дыши полной грудью.

Пятая группа форточек:

– **Действующие способы** сочинительства, которые «заводят» тебя на творчество. Каждый открывает их для себя сам. Кому-то нужно, чтобы было *необходимо* написать то-то и то-то, к такому-то сроку; деваться некуда, он работает – и вдруг чувствует, что форточка распахнулась сама, по необходимости. Кого-то вдохновляет полемика, и тогда надо приоткрыть именно эту форточку. Кто-то... Но не надо искать форточки для всех. Тебя ждут твои собственные.

Шестая группа форточек:

– **Прикосновение к искусству**, возбуждающее тягу к творчеству. Музыка, живопись, скульптура... Продолжи

этот список, насколько хватит эрудиции, или пусть в нём будет совсем немного пунктов, но зато самых дорогих. Может быть, с конкретными именами или даже названиями произведений – именно тех, которые вдохновляют.

Седьмая группа форточек:

– **Единство** с другим человеком или с другим существом, контакт с ним, сопереживание. Да, бывают не только вдохновляющие картины или симфонии, но и вдохновляющие люди, и вдохновляющие лошади, кошки, собаки, птицы... Стоит пообщаться с ними – и чувствуешь себя на взлёте. Надо запомнить этот факт, чтобы в следующий раз знать, где ходит или сидит, бежит или чирикает твоя надёжная форточка.

Восьмая группа форточек:

– **Создание условий**, при которых хочется сочинять. Условий физических и душевных. Одной девочке для вдохновения нужно было начать качаться на качелях. А одному маститому писателю помогал запах зелёных чуть подгнивших яблок; он держал их в ящике стола и выдвигал этот ящик – как открывают форточку – чтобы вдохнуть вдохновляющий аромат. Анекдотическим деталям такого рода нет числа, так что ищи терпеливо: что станет для камертоном для тебя?..

Девятая группа форточек:

– **Новизна ощущений.** Форточки новизны действуют довольно исправно. Вопрос в том, всегда ли необходимо *искать* новизну. Иногда она скрыта в чём-то, что совсем рядом, и остаётся только заметить её – или, точнее, открыть её для себя под скорлупой привычного.

Десятая группа форточек:

– **Игра со словами.** Да-да, и это, казалось бы, чистое развлечение, может сыграть серьёзную роль, распахнув форточку к неожиданному, волнующему развороту сознания. Можно оттолкнуться от экспромта или каламбура – и оказаться в удивительной теме, уводящей далеко-далеко или глубоко-глубоко.

Если работа с форточками вдохновения важна для тебя, не нужно каждый раз лезть в книгу, чтобы вспомнить о своих возможностях. Присмотревшись к первым буквам каждой из групп форточек, можно обнаружить небольшое мнемоническое устройство для их запоминания. Это всего два слова: **ПОВОД ПЕСНИ.** Впрочем, через некоторый срок осваивания форточной практики мнемоника, скорее всего, уже не понадобится. Свои форточки запомнить куда легче, чем общий перечень.

Нельзя не сказать и про то, что кроме подлинных фор-

точек вдохновения существуют и ложные. Они пользуются популярностью из-за удобных механизмов открывания. Курение, выпивка, наркотик... Очень удобно: осуществил определённую последовательность механических действий – и что-то очевидным образом изменилось в организме. Вдохновение, что ли, пришло?.. Или?.. Я думаю, что «или». Дело не только в том, чтобы форточка легко открывалась, но и в том, что же находится по другую сторону от неё.

Кладоискательство тем

Тема – сокровище, ждущее зрячего.

Много чудесного существует вокруг. Так где же оно? Как отыскать тему, на которую хотелось бы, горелось бы писать?

Все замечательные темы, разжигающие творческий аппетит, запрятаны прежде всего в наше собственное невнимание. Иногда очень даже хорошо запрятаны. Но если научиться открывать эти клады, можно встретиться с чудесами, которые уводят внутрь и наружу, в прошлое и в будущее, в глубины настоящего. Где же и как их искать? Или, бросив инстинкты: где брать темы для творчества?

Вот примерная карта (наверняка неполная) твоего «острова сокровищ»:

– **События.** Те, что происходят вокруг тебя. Крупные, мелкие, даже еле заметные. В каждом из них скрыта своя тема, иногда и несколько разных тем. А если сам участвуешь в событии, появляется добавочный шанс: разглядеть подоплёку происходящего.

– **Ситуации.** Всякое сложившееся положение дел в том или ином отношении, к которому привыкаешь настолько,

что перестаёшь замечать. Но если заметить, если задуматься о тех процессах, которые привели к тому, что так привычно, приоткрываются неожиданные пласты жизни – и в каждом из них таится тема! Одна, другая, третья...

– **Впечатления.** Новые, из которых тему добыть легче: вот оно, только что случившееся. И старые, из которых выветривается второстепенное, так что вдруг начинаешь видеть то существенное, чему раньше не придавал значения. И недавнее, и давнее впечатление могут скрывать в себе нечто драгоценное. Ведь что-то *впечаталось* в память – значит было из-за чего.

– **Переживания.** Это ещё более кладоносный слой. Каждое переживание погружает в тему, хочешь или нет. Дело лишь за тем, чтобы сосредоточить на нём и творческие силы. Впечатления и переживания, связанные с различными видами искусства, – тоже могут послужить импульсами для выбора темы. В частности, и отклик на прочитанное может побудить к собственному творчеству.

– **Мысли.** Они проносятся в нашем сознании, рассыпаясь искрящимся фейерверком тем. Каждая из этих быстролётных искр была бы рада воплотиться в слове. Поймать хоть одну искорку, расшифровать её огненную тайну – и ещё один клад в нашем распоряжении.

– **Люди.** Каждый из тех, кто рядом с нами, или с кем мы встретились ненадолго, – кладёшь тем. Ещё бы: у другого человека *свои* события, ситуации, впечатления, переживания, мысли. Значит дело только в том, чтобы приоткрыть крышку колодца. Этому служит общение. Разговаривая с людьми, можно узнать про такие удивительные развороты жизни, которые вдохновят и реалиста, и фантаста.

– **Предметы.** На литературной студии и на творческих семинарах большим успехом пользуется игра «Нет предмета без сюжета». Она состоит, коротко говоря, в том, чтобы написать на тему, продиктованную случайно доставшимся тебе предметом. Играют все, и у всех получается. Но каждый может сыграть в такую игру и сам по себе, с любым предметом, который привлечёт внимание (иногда кажется, что вещи только этого от тебя и дожидаются). А если не с любым, с каким-то особым – то ещё интереснее.

– **Записи.** Наша собственная запись – черновая, дневниковая, рабочая, практически любая – может стать отправной точкой для углубления в тему. Кстати, если подходящая запись не попала под руку, её можно сделать прямо сейчас – и вперёд!

– **Фраза.** Хорошо сформулированная фраза (например,

афоризм, пословица или любопытная цитата) тоже скрывает в себе клад. Ведь в неё уже *вложено* что-то ценное, дорогое для того, кто постарался найти своей мысли выразительную форму. Здесь можно копать, зная, что нападёшь на ценную тему.

– **Повод.** Как усердный кладоискатель старается принять во внимание любой знак, направляющий его к заветной цели, так мы должны быть открыты любому поводу к литературному творчеству. Если его обдумать, принять близко к сердцу – он или сам по себе становится нашей темой или выводит нас к тому материалу, за который можно с удовольствием взяться.

Не раз я сталкивался с людьми, не пишущими, но желающими облагодетельствовать писателя «интересной темой». И всегда старался вежливо уклониться от предложения. Чтобы с аппетитом взяться за тему, надо её разыскать, добыть, выбрать из множества. Пусть за ней потянется шлейф наших ассоциаций, приобретённых во время поисков, пусть она вызовет резонанс с чем-то внутри, пусть возникнет ощущение найденного клада...

Ещё одна важная часть нашей работы – суметь вовремя зафиксировать тему: запомнить, а лучше записать. Записать именно как тему, ожидающую нашего обдумывания, освоения и исполнения. Но о самой работе с найденной темой по-

говорим позже.

Черновики и чистовики

*Черновик – это чернозём для проращивания
замыслов.*

Литература редко похожа на чистописание. Свой чистовой вид написанное обретает обычно далеко не сразу. Поэтому нужно уметь работать с черновиками.

Черновики – это не просто чёрканные-перечёрканные листочки. Черновики могут быть очень разными. Вот примеры:

– **Блокноты.** Обычно это самые что ни на есть временные записи, не имеющие самостоятельного значения. Блокнот – это временная записка, поэтому иногда важно побыстрее перенести записанное в более чистовой черновик, где мы уже превратим обрывочные словечки в предварительный кусочек текста.

– **Записная книжка.** Разница между видами черновиков условна, и физически «записная книжка», например, может ничем не отличаться от «блокнота». Но по характеру записей она более самостоятельна. Тексты в ней могут быть сокращёнными, необработанными, но это всё-таки уже тексты. Позже мы поговорим о записной книжке как жанре, но пока пусть это будет просто один из черновиков. Копилка де-

талей, сценок, мыслей.

– **Листочки.** Эта разновидность черновиков многообразна. Размер листка, во сколько раз он сложен, как разлинован, даже качество бумаги – всё это может соответствовать (или не соответствовать) характеру автора, виду записей, жанру, с которым они связаны, и т. д. Листочки могут воспитывать лаконичность (ограниченным размером), организовывать, подсказывать (если выписать на них информацию для обдумывания) и всякое другое. Перечни тем, планы, наброски, фрагменты и небольшие законченные произведения – всё это вполне может пожить какое-то время на листочке. Листочки удобно подбирать друг к другу, использовать какой-то из них как задание себе для работы, а другие – как плацдарм для этой работы.

– **Тетради.** Они полезны для дневниковых записей на какую-то одну тему, для черновой рукописи повести или романа. или для того, чтобы записывать туда всё (вместо вороха разрозненных листков! – ведь у каждого свой вкус).

– **Технические средства.** Они развиваются и когда-нибудь, несомненно, обеспечат максимально удобные возможности для работы, с быстрым переходом к чистовой работе. Но пока уступают более простым, испытанным бумажным черновикам. Можно записывать мысли, пришедшие в голо-

ву, на *диктофон*, но за этим необходимо должна следовать процедура перенесения их с диктофона куда-то ещё, а это довольно специфическая работа. Когда диктофоны поумнеют настолько, чтобы самостоятельно оцифровывать голос (то есть превращать его в компьютерный буквенный текст), пользоваться ими будет удобнее. *Ноутбуки* и *наладонники* могут радовать любителя компьютеризации, но мне кажется, что обращение к ним слишком отвлекает от созерцания и размышления (а именно в это время должно быть под рукой что-то для черновых записей). Впрочем, моя дочка ухитряется записывать только что сочинённые стихи на *мобильник* (в виде сохраняемых СМС-сообщений). Так что, думаю, техника ещё себя покажет.

Что касается чистовиков, многое здесь зависит именно от степени привлечения технических средств. Простейший и стремительно устаревающий вариант – это чистовая рукопись. Написанная в самом деле от руки, да ещё самим автором, она может стать когда-нибудь замечательным объектом для историка литературы, но что с ней делать сейчас? Даже если просто давать кому-нибудь почитать, лучше всё же прибегнуть к помощи техники и хотя бы сделать ксерокопию. Можно перепечатать на пишущей машинке, но скоро дети будут уже с любопытством спрашивать, что же это такое «пишущая машинка», а найти того, кто введёт текст в компьютер, уже гораздо легче, чем машинистку.

Настоящий современный чистовик — это, конечно же, компьютерный текст (или его распечатка), то есть, пользуясь общеупотребительным термином, *файл*. Файл легко можно переслать по электронной почте, сохранить на самых различных носителях, распечатать в нужном виде; в него можно также вносить те изменения, которые вы сочли необходимыми сделать после завершения основной работы.

Вообще же, если говорить о писательской работе на компьютере, то это особое явление. Хотя бы потому, что границы между компьютерным черновиком и компьютерным чистовиком практически не существует. Компьютер даёт нам возможность всегда иметь дело с *текущим чистовым вариантом*. Единственный способ отделить черновик от чистовика — это сохранять разные по этапам работы варианты файлов (или, как говорят, *версии*). Все версии, кроме последней, будут черновиками, только последняя — чистовиком. Пока ей на смену не пришёл более чистовой чистовик, то есть следующая версия. Сохранять ранние варианты, кстати, очень полезно, потому что может возникнуть необходимость использования удалённых на каком-то этапе фрагментов текста.

В любом случае, и для бумажных черновиков, и для компьютерных черновых версий текста, стоит позаботиться о том, чтобы ставить даты. Компьютер может следить за датировкой своих файлов, но полезно в самом тексте ставить даты той или иной записи, того или иного варианта. Без них можно запутаться в очередности написанного, потерять ори-

ентацию в собственном творческом процессе. Даты можно удалить в чистовом варианте, но пусть останутся в черновиках.

Несколько слов о самом сохранении черновиков. У каждого, кто пишет, своё отношение к этому. Но если оно пока не сформировано, можно посоветовать не торопиться выбрасывать черновики. Это существенные детали удивительного нетехнического средства: машины времени под названием АРХИВ.

Архив позволяет нам путешествовать в прошлое и соединять его с настоящим и будущим.

Прежде всего, это старомодный бумажный архив. Блокноты, записные книжки, дневники – даже если все ценные записи уже перенесены куда надо. Ведь представление об их ценности может измениться, и несколько лет спустя может оказаться крайне интересным то, на что раньше не обращал особенного внимания. Это черновики, наброски, планы, доделки и переделки. Это тематические папки, где были собраны когда-то вырезки и другие материалы по теме, которыми был тогда особенно заинтересован.

Электронный (компьютерный) архив. Текстовые файлы занимают так мало места, а возможности средств сохранения так прогрессируют, что можно позволить себе сберегать всё что угодно, заботясь лишь о том, чтобы время от времени перезаписывать файлы на более современные носители

информации и хранить свой архив в нескольких экземплярах и в разных местах. Стоит постараться оцифровать (ввести в компьютер) те материалы, которые до этого оставались только на бумаге.

Сюда примыкают и другие виды архивов: фотографии, аудиозаписи, видеозаписи (или даже киноплёнки). Здесь тоже полезно позаботиться об их оцифровке и надёжном сохранении. Впрочем, это самостоятельная большая тема, которая увела бы нас от литературы, хотя и относится к писательской жизни в целом.

Раздел 3

Законы для нарушения

Эфэф, любитель слов, выстроил большой просторный словарь. Потом пошёл в Лес Словес, наловил всякие слова, поставил их по алфавиту и повёл в словарь. Вошёл туда, слова за ним колонной шагают. Всех по законам развёл. Вышел – и за голову схватился. У входа ведь буква Я оказалась, а буква А в самом конце. Как быть? Но Эфэф додумался. Заколотил вход, а с другого конца новый вход проделал. Так всё же привычнее. Отряхнул руки и пошёл ухаживать за словечками. сказка-крошка «Словарь от Я до А»

Законы, о которых пойдёт речь, придуманы. С большим удовольствием я заменил бы это слово на «открыты», потому что каждый раз, когда мне удавалось сформулировать очередной закон, это сопровождалось реальным ощущением открытия. Но всё же повторю ещё раз: они придуманы. А значит, никого ни к чему не обязывают. Можно попробовать следовать им. Можно их опровергать. Думаю, что польза будет и от того и от другого.

Всякие законы в писательской работе важны лишь на короткое время. Усвоив те полезные витамины, которые там содержатся (надеюсь, что витамины «В», «З», «С» и «У»,

о которых говорится ниже, скорее полезны, чем вредны), вполне можно забыть про них. Вместо этого можно придумывать свои законы, которые будут гораздо тоньше или гораздо глубже отражать ту писательскую реальность, с которой имеешь дело ты сам.

Предложенные здесь вариации на тему литературного творчества основаны на личном опыте автора и на его опыте работы с начинающими литераторами. Они помогут обратить внимание на некоторые важные стороны сочинительства. В этом состоит моя главная задача. А законы – пожалуйста, почему бы не понарушать. Это одна из сторон творчества. И открывать собственные законы тоже никому не запрещено.

Кстати, здесь встречаются ещё и притчи. Притчу бесполезно доказывать или опровергать. Может быть, здесь все законы и принципы – тоже своего рода притчи?..

Общие принципы писательской работы

*Принцип – это степень компромисса
с действительностью.*

«Каждый пишет, как он слышит», – поёт Булат Окуджава. Но слух можно развивать. Собранные здесь притчи и близкие к ним тексты помогают развитию внутреннего слуха и творческого дыхания. Чтобы писать по-настоящему, свободно – как слышишь, как дышишь, не стараясь угодить.

Притча о быстрой лошади

Один мудрец на восточном базаре увидел торговца, который продавал двух лошадей. Обе выглядели великолепно, но одна стоила в десять раз дороже другой.

– Почему у них так по-разному стоят? – поинтересовался мудрец.

– Потому что вот эта лошадь бежит в десять раз быстрее, – объяснил торговец.

– Но ведь если она поскачет в неверном направлении, то будет в десять раз быстрее удаляться от цели... – произнёс мудрец и отошёл.

А торговец подумал – и сбавил цену на быструю лошадь.

Пусть эта притча и нас заставит задуматься. Не о лошадях и ценах. О писательском профессионализме.

Торможение и тормошение

Писатель Феликс Кривин когда-то метко заметил, что всем силам на свете противостоит одна-единственная сила: сила инерции.

Если говорить о писательской работе (да и не только о ней), можно сказать, что она является полем противоборства двух обобщённых сил. Сил, которые различаются всего лишь на одну букву, или даже на звонкость звука. Одна из этих сил – та, о которой высказался Кривин: сила инерции, сила ТОРМОЖЕНИЯ. Другая – сила пробуждения, сила ТОРМОШЕНИЯ.

Всё, что нас притупляет, пригашает, давит на низменные стороны человеческой природы, отдаёт во власть инерции, во «власть тьмы» – всё это разновидности силы торможения.

Всё, что нас высветляет, одухотворяет, пробуждает и побуждает к разгадке и осуществлению своего призвания – это действие силы тормошения.

Пишущему человеку всегда приходится выбирать, сознательно или бессознательно, между этими двумя силами. Какой из них он позволяет действовать в собственной душе? Какой из них способствует, обращаясь с письменной речью

к другому человеку, к людям?

Притча о приставшем зёрнышке

Это притча о том, какие материальные выгоды сулит писательская деятельность. И стоит ли завидовать преуспевающим писателям. Как свойственно притче, она заострена до предела и поэтому может показаться слишком жёсткой. Но она работает на торможение, чем и ценна для нас.

Верблюжонок и ослёнок жаловались своим родителям:

– Вон как хорошо кормят ячменём поросят, а нас отгоняют прочь, и мы всё время голодны.

– Не завидуйте, – отвечали им взрослые, – придёт время, когда вы их пожалеете.

Наступила зима, и однажды верблюжонок и ослёнок услышали отчаянный визг.

– Что случилось? – спросили малыши у родителей.

Те повели их и показали освежёванные свиные туши.

Тогда верблюжонок и ослёнок повалились на землю, задрали копытца и закричали:

– Ой, посмотрите, не пристало ли к нашим ногам хоть одно зёрнышко ячменя! Если пристало, снимите сейчас же!..

Принцип следующего слоя

Когда человек начинает писать, какие слова и обороты приходят в первую очередь ему на ум? Те, которые он читает и слышит чаще всего. Которыми полны повседневные разговоры, реклама, газеты, телевизор и радио...

Это первый, самый доступный языковой, лексический слой. Он не просто легко достижим, но даже навязчив: затасканные сентенции, обрывки фраз, эпитеты и словечки сами лезут в голову, когда пытаешься выразить что-то на бумаге. Они цепляются за мысли крючками ассоциаций, терпеливо пульсируют в ожидании того, что ты воспользуешься их дешёвыми услугами, выпячивают свои достоинства: мы совсем рядом, мы всем известны, всем понятны!..

Нужно определённое усилие, чтобы отказаться от этих готовых возможностей, привычных клише и затасканных выражений. Только если хватит решимости, если сумеешь отразить напор стандартных и общеупотребительных средств изъяснения, ты пробьёшься к следующему лексическому слою. Здесь уже можно позаботиться о том, чтобы подыскать слову *его* эпитет, подчёркивающий своеобразие употребления и взаимодействующий с контекстом. Здесь можно самостоятельно, по-новому формулировать мысли и пытаться выработать начальный подход к собственному стилю...

Но если хочется добиться настоящего мастерства, необ-

ходимо набраться силы духа и пройти сквозь этот слой тоже. В следующем слое тебя ждут настоящие открытия, яркие фразы, тонкие стилистические находки...

Не стоит думать, что в языке существует ровно три слоя. Это лишь принцип, позволяющий определить для себя меру творческой сосредоточенности. Я не знаю, сколько слоёв проходит гений, чтобы обеспечить бессмертное звучание своего произведения. Но знаю, что преодоление очевидного и прорыв к небывалому составляют неперемennую часть его работы. Иначе вершиной литературы были бы рекламные слоганы.

Притча о живописце Апеллесе

Рассказывают, что однажды греческий живописец Апеллес, стараясь изобразить на картине взмыленную лошадь, совершенно отчаялся правдоподобно передать вид лошадиной пены. В досаде он прекратил свои попытки и гневно швырнул в картину губку, которой снимал краски с кисти. Губка, скользя по картине, оставила на ней след, который на удивление точно воспроизвёл пену взмыленной лошади!

– Картина закончена, – сказал Апеллес. И больше к ней не прикасался.

О чём эта притча? О том, что нечего особенно стараться и вырисовывать изображение, если можно случайно шлёп-

нуть губкой и получить шедевр?

Или о том, что нужно пробовать и пробовать – тогда даже случайность встанет на твою сторону и примет участие в работе?

Кстати, крылатая фраза «Ни дня без строчки», которую сейчас часто применяют к писательскому делу, была сказана Плинием Старшим именно об Апеллесе (одно и то же слово обозначало и строчку, и мазок). Так что он не только швырялся губкой.

Грунтовка, работа вдоль и работа поперёк

Дело писателя – пройти путь от замысла произведения до его завершения.

На этом пути можно обозначить три главных этапа.

Первый этап назовём ГРУНТОВКОЙ. Это составление предварительного плана, наброски общей структуры произведения, написание разрозненных черновых набросков, собирание материала. В конце этого этапа у нас может возникнуть рабочий план (которым мы будем руководствоваться в дальнейшем) и соответствующая ему структура, по которой распределены имеющиеся наброски и материалы.

Второй этап можно назвать РАБОТА ВДОЛЬ. Это основное сочинение текста. При этом рабочий план может видоизменяться; имеющиеся фрагменты могут быть использованы

как есть, переписаны заново или выброшены вообще; материалы могут быть пущены в работу, отложены в сторону или заменены другими. Итогом этой работы станет написанное произведение.

Но после этого необходим ещё один этап. Назовём его РАБОТА ПОПЕРЁК. Он не менее важен, чем два первых. Это улучшение написанного. Редактирование, доделывание, переделывание – всё то, в результате чего возникает текст в его окончательном виде.

Речь здесь идёт о трёх качественно различающихся видах писательской деятельности.

Для *грунтовки* важно определиться с темой, обдумать её, собрать относящийся к ней материал – хотя бы на каком-то предварительном уровне. То есть подготовиться к тому, чтобы начать писать на выкладку.

Для *работы вдоль* нужны вдохновение, отвага, стремление высказаться, готовность не только начать писать текст, но и закончить его.

Для *работы поперёк* на передний план выступает умение согласовать отдельные части произведения, улучшить каждую из них, отшлифовать фразы, отладить их взаимосвязь друг с другом.

Так что путь наш – не от начала до конца произведения, а от грунтовки до шлифовки.

Притча о двух стрелах

Один человек пришёл к мастеру стрельбы из лука и попросился к нему в ученики.

– Покажи, как ты стреляешь, – попросил мастер.

Новичок вышел к цели, взяв с собой две стрелы, и приготовился стрелять.

– Постой, – сказал наставник. – Зачем ты взял две стрелы?

– Я же ещё плохо стреляю, – объяснил человек. – Если не попаду с первого раза, выстрелю снова.

Мастер покачал головой:

– Никогда не бери двух стрел! Понадеявшись на вторую стрелу, ты беспечнее отнесёшься к первой. Всякий раз считай, что другой возможности нет, что ты непременно должен попасть в цель единственной стрелой.

Наверное, такое же отношение к делу необходимо и пишущему человеку. Не «напишу побольше разного – глядишь, что-нибудь кому-нибудь да понравится», а «напишу то, что важнее всего на сегодняшний день, на максимуме своих возможностей». Тогда гораздо больше шансов попасть в цель.

Принцип преимущества изображения

Выплёскивая на бумагу свои чувства, мы получаем внут-

ренное удовлетворение, психологическую разрядку и всякое такое. Но если мы хотим, чтобы написанное было интересно другим, этого мало.

Восторженные или гневные эпитеты, выражение эмоций с помощью обычных клише («ах, как красиво!») – всё это действует довольно слабо по сравнению с *изображением* происходящего.

Изображение волнует гораздо больше, чем выражение чужого волнения. Поэтому изображать достойное восторга куда важнее, чем восторгаться самому. Изображать заслуживающее негодования лучше, чем негодовать. То же относится и к менее бурным эмоциям.

Этот подход подразумевает не только красочные описания. Изображением является и метафора, то есть образное сравнение, подключающее к рациональному пониманию – внерациональное. Сюда же следует отнести и тот общий образ, который создаёт наше произведение, объединяя все отдельные изображения в единую картину.

Попробуем подытожить смысл принципа преимущества изображения в виде трёх закономерностей:

- **Изображение сильнее авторских эмоций.**
- **Метафора привлекательнее словесных размышлений.**
- **Образ значительнее, чем приводящая к нему идея.**

На чём делать УПООР

Навык – это самоуправляемое умение.

Есть навыки, которые помогают человеку в литературном творчестве. Хорошо, когда они переходят в привычки, о которых не думаешь, потому что они работают сами. Но если этого пока не происходит, вполне можно культивировать их сознательно.

Итак, полезные писательские навыки. Первые буквы этих навыков складываются в слово УПООР. Удобно для запоминания.

– **Узнавание.** Узнавание своей темы. Мы уже говорили о бесчисленном множестве тем для литературного творчества. В принципе, можно выхватывать ту или иную тему наугад и оттачивать на ней свои литературные навыки. Но когда узнаёшь среди многих тем *свою*, всё становится особенно интересно. Навык поиска и узнавания своей темы вдвойне необходим тому, у кого становление личности идёт одновременно с овладением письменной речью.

– **Переживание.** Любую тему, за которую берёшься, надо впустить внутрь, связать себя с нею некоторыми переживаниями. Найти ниточки от неё к тебе и от тебя к ней. *Освоить*

тему. Тогда она и становится по-настоящему твоей. Это навык выработки эмоционального, углублённо-личного отношения к теме. Человеку аналитичному, склонному к дедукции и дидактике, необходимо развивать в себе именно эту сторону восприятия.

– **Обдумывание.** Важно понять, что ты *знаешь* о том, о чём пишешь или собираешься писать. Может быть, стоит узнать побольше. Но в любом случае совершенно необходимо разобраться, что же ты сам *думаешь* об этом. Иначе как же писать? Обдумать сюжет означает ещё и позаботиться о его достоверности. Это важная часть подготовки к письменному этапу. Ведь потом много внимания потребует сама словесная работа.

– **Описание.** Да, всего лишь один из пяти основных навыков относится собственно к описанию того, что входит в замысел произведения, то есть к написанию текста. Подыскивание слов происходит по-разному, и этой работе посвящена значительная часть нашей книги. Но именно здесь хочется подчеркнуть, что литературное творчество не сводится к одному лишь навыку письменной речи. О тексте начинаешь полноценно думать тогда, когда сформирован внутренний материал для него.

– **Редактирование.** Текст, который написан *вдоль*, надо

потом пройти ещё и *поперёк*. То есть отредактировать, привести в окончательный вид. В этот навык входит и умение отложить на время написанное, отстраниться от него, дать прочитать другому, чтобы увидеть его реакцию. А также работа с редактором и корректором, сочетающая выработку компромиссов с умением отстаивать авторскую позицию. Всё, что помогает завершить произведение наилучшим образом.

Закон трёх «В». Витамины литературного творчества

Витамины – добавки жизни к жизни.

Закон трёх «В» говорит о трёх «витаминных» составляющих литературного творчества. Чем-то он перекликается с другими законами и размышлениями, приведёнными в этой книге. Но здесь речь не о свойствах, которые надо в себе развивать, а о том, что так или иначе само присутствует в работе автора. Дело в том, чтобы уважать каждый из этих важных витаминов, помнить об их существовании, а также не допускать их нехватки или гипервитаминоза.

– Внимание.

Творчество начинается с приметливости, с умения испытывать интерес к тому, что происходит рядом с нами. Внимательность поможет заметить интересную тему, высмотреть детали, которые могут пригодиться в будущих описаниях, вникнуть в человеческие характеры, которые позже отразятся в наших персонажах. Будем искать зёрна, посевной материал для будущего урожая. Искать и в окружающей реальности, и в своём внутреннем мире, во всём и во всех, с кем соприкасаемся.

Недостаток первого витамина «В» приводит к бесплот-

ности, почти невидимости того, о чём пишешь. Избыток – к погружению в наблюдение, в созерцание, при ослабленном стремлении поделить добытым и понятым.

– Вдохновение.

Постараемся не пропускать это особое состояние души, когда какая-то высшая сила наполняет тебя и даёт особую возможность сказать нужные слова. Это свет, необходимый для проращивания найденных зёрен. Можно располагать себя к такому состоянию, этому служат наши *форточки вдохновения*, но не во власти человека включить его механически. Вдохновение – это общение с Высшим, что делает его незаменимым элементом творческой жизни.

Второй витамин «В» важен не количественно, а качественно. Один вдохновенный импульс может надолго определить направление творчества. Но можно и всякое другое время использовать для творческой работы. Вдохновение и просто рабочее состояние души прекрасно дополняют друг друга.

– Выращивание.

Найдя свою тему и прорадив её в слове, нельзя спокойно сложить руки. Ведь мы ухаживаем за ростками цветов, растим детей, так же нужно и довести написанное до наилучшего вида. Выращивание произведения подразумевает не только работу по редактированию текста. Иногда проходит за-

метное время после того, как поставлена точка, – и вдруг начинаешь понимать необходимость дополнений или переделывания того, что было когда-то закончено.

Нехватка третьего витамина «В» говорит о том, что для произведения не сделано что-то очень важное, без чего оно не обрело ещё окончательную форму. А переизбыток этого витамина называется «перфекционизмом» и оставляет нас в состоянии вечной доработки.

Закон трёх «З». Завершение замысла

Финиш – смысл старта.

Писатель – не просто человек, который пишет. Это человек, который владеет собственным замыслом. Он может очень долго вынашивать его, прежде чем начнёт писать, но всё это время ведёт именно писательскую работу.

Писатель – не просто человек, который пишет. Это человек, который завершает задуманное. Пока произведение не закончено, его не существует как итоговой писательской продукции.

Но писатель всё-таки ещё и пишет. Это его главное дело, приводящее замысел к завершению.

Таким образом, писателю необходимо с каждым произведением пройти три этапа:

– Задумать.

Со стороны может показаться, что задумать произведение – всё равно что загадать желание, глядя на падающую звезду. Загадал, а там жди пока исполнится. Но литературный замысел является самостоятельной частью словесного творчества, хотя и не очень заметной. Очень важной частью, ведь это зерно, из которого вырастает произведение. Уметь

осознать замысел, освоить его внутренне, зарядить той энергией, которая понадобится для осуществления, – вот суть этого этапа.

– Записать.

В случае небольшого произведения (например, стихотворения в несколько строк) всё достаточно просто: надо записать во что бы то ни стало, даже если сейчас кажется, что никогда его не забудешь. Записать хотя бы в предварительном виде, даже если хочется ещё подумать над той или над другой фразой. Но если речь идёт о более объёмном произведении, к этому этапу относятся разные виды письменной деятельности: и рабочие планы, и черновые наброски, и сама *работа вдоль*.

– Закончить.

Находиться в состоянии «я пишу то-то» можно неопределённо долгое время, если не помнить о том, что писатель – не просто тот, кто пишет, а кто заканчивает писать. Но и тогда, когда поставлена последняя точка, работа ещё не закончена. Необходимы *работа поперёк*, редактирование, доведение до чистового, полностью завершённого вида. До такого, когда твёрдо знаешь: сделано!

Закон трёх «С». Средства сочинителя

*Средство – это установление связей.
Маршалл Мак-Клуэн, XIX век*

Сведение средств сочинителя всего к трём «С» нужно не для того, чтобы забыть про всё остальное. С помощью такого укрупнённого плана мы можем увидеть основу литературного творчества. И отыскать для себя какие-то практические выводы по каждому пункту.

Что мы делаем для того, чтобы на свет появилось литературное произведение? Мы рассказываем определённый СЛУЧАЙ в определённом СТИЛЕ, чтобы передать определённый СМЫСЛ.

– Случай.

Случай может быть реальным (который был или мог бы быть) или вымышленным (которого наверняка быть не могло). Он может быть простым или разветвлённым на многие сюжетные линии. Охватывающим короткое время, годы или эпохи. Может относиться к внешнему миру (как рассказ), к внутреннему (как лирическое стихотворение) или к вымышленному (как сказка). Это вход для читателя в определённую жизненную ситуацию, только вместо него её прожи-

вает персонаж (персонажем может быть и автор). Повествование о том, ЧТО случилось, – одно из главных средств общения пишущего человека с читающим.

– СТИЛЬ.

Понимая стиль широко, можно отнести к этой стороне творчества все особенности повествования, начиная с выбранного жанра и заканчивая интонацией каждой фразы. Различные приёмы работы с текстом позволяют нам привлечь читателя, заинтересовать его тем случаем, который мы описываем. Стил ь ведёт читателя – вместе с персонажем – по рассказанному случаю, взаимодействует с ситуацией, помогает осваивать её. Стил ь определяет, КАК мы рассказываем о происшедшем.

– СМЫСЛ.

Смысл – не обязательно логический – это то, с чем читатель выходит из повествования. Его багаж, в котором его собственные находки. Но собраны они всё-таки с помощью того, кто пишет. Начиная с того, что автор сам находит тот *свой* смысл, ради которого приступает к сочинению. Этот смысл говорит о том, ЗАЧЕМ он всё это затеял. Сознание читателя осваивает рассказанный случай по-своему, и результат восприятия может заметно отличаться от авторского намерения. Различие смыслов неизбежно, таково энергетическое поле литературы, однако всё это возможно только бла-

годаря смысловому импульсу автора.

Закон трёх «У». Удачные свойства повествования

*Удача – подготовленное везение.
Александр Круглов, современный автор*

Каким должно быть удачное повествование? Вернее, какими удачными свойствами оно должно обладать, чтобы быть интересным читателю? Чтобы читатель считал, что ему повезло с прочитанным.

Повествование должно быть:

– Увлекательным.

Это касается и сюжета, и стиля, и всего хода повествования. Нельзя, чтобы читатель скучал. Это не значит, что его нужно во что бы то ни стало забавлять, ведь увлекательность может быть самой разной по своему характеру. Но, во-первых, не должен скучать сам автор. Во-вторых, он должен суметь поделиться своей увлечённостью.

– Удивительным.

Повествование должно быть достаточно новым, по-своему говорящим о жизни. У каждого автора есть его личное «по-своему», всё дело в том, чтобы дать ему проявиться.

ся в словах. Написанное должно быть в какой-то степени неожиданным – и по форме, и по содержанию. Новизна, оригинальность, неожиданность и делают его удивительным.

– Убедительным.

Убедительность, достоверность важна и для описания реальности, и для фантазии. Для фантазии – особенно, ведь там читатель лишён привычной поддержки собственного знания реальности. Повествование должно быть душевно искренним, внутренне согласованным, опирающимся на ощутимые воображением подробности. Читателю нужно чувствовать: да-да, так оно всё и было.

В общем, удачное повествование должно быть У-У-У каким!..

Произведение как ДОМ

*Дом – то, откуда выходят в дорогу.
Томас Элиот, английский поэт XX века*

ДОМ – это аббревиатура для перечня трёх главных составляющих произведения. Легко увидеть, что этот перечень не в равной степени пригоден для всех жанров. Можно привести великолепные примеры произведений, где отсутствует один из элементов ДОМ’а, или даже два, а то и все три. (То же самое можно сказать и о любом другом литературном законе: всегда можно отыскать замечательные опровержения.) Но если чувствуешь какой-то дисбаланс в своей литературной постройке и хочешь понять в чём дело, на всякий случай вспомни словечко «ДОМ» и мысленно пробеги по трём его буквам-пунктам.

ДОМ – это Действие + Образ + Мысль. Три опоры произведения. Приглядимся к ним чуть подробнее, зная, что к каждой из них мы ещё не раз вернёмся в дальнейшем.

– Действие

Поскольку предметом нашего повествования является некий *случай* (согласно закону трёх «С»), надо дать ему произойти. Значит действие нам необходимо. Действие необходимо и читателю, который ищет в чтении возможности дей-

ствовать так, как не приходится действовать в жизни, отождествляя себя в какой-то степени с одним или несколькими персонажами.

Кроме того, по закону трёх «У», мы должны стараться сделать произведение *увлекательным*, и первый инструмент для этого – именно действие. Недаром «действием» называется часть пьесы. Недаром наряду с этим словом в русском языке успешно действует его англоязычный синоним «экшн». Слишком много важных сторон у этого термина, вот и пришёл второй на поддержку.

Действие определяется *событиями* (начиная с *происшествия*, задающего ход сюжета) и связанными с ними *поступками* персонажей. Без действия и вовсе можно обойтись – так же, как можно разыграть пьесу, запретив актёрам двигаться. Но всё-таки у актёров это будет скорее декламация, чем спектакль, а у нас скорее декларация, чем литература.

– Образ

Принцип преимущества изображения говорит нам о том, что сила образа проявляется на самых разных уровнях. Поэтому мы должны постоянно располагать себя к словесной живописи, когда дело касается описаний, к использованию сравнений и метафор для передачи своего отношения к персонажам и их действиям, а самое главное – к тому, чтобы написанное нами создавало определённый метафорический образ. Или, проще говоря, обобщающую картинку.

Значение образа проявляется часто в том, что он поселяется в самом названии произведения. Это вовсе не обязательное правило. Но сама возможность ключевой метафоры уместиться в двух-трёх словах, или даже в одном, подсказывает нам, что роль образа во многом связана с концентрацией написанного. С тем, чтобы свести главное в некий изобразительный фокус.

– Мысль

В законе трёх «С» третье из них говорит о *смысле* произведения. Но смысл – это не то, что надо заготовить заранее, а потом вплетать в повествование. Задача автора – не управлять мыслью читателя, а просто дать место в том, что пишешь, своей собственной мысли. В детском или подростковом возрасте вполне естественно писать «просто так», но потом работа мысли приобретает гораздо большее значение.

Мысль – это наша внутренняя мотивация к произведению, но не только. Когда мы пишем, наша исходная мысль может претерпевать изменения, она растворяется в написанном, соединяется с ним. И та итоговая идея, с которой мы заканчиваем писать, становится уже результатом наших писательских усилий. Она может не быть выражена в явном виде, но её внутреннее присутствие является каркасом написанного.

Можно *не думать* о мысли своего произведения. Это нормально, когда мышление идёт органично, без рефлексии

о себе самом. Но если написанное получилось пустоватым, и вы сами это ощущаете, стоит взглянуть на него ещё раз: присутствует ли в нём важная для вас мысль или надо позаботиться и о ней тоже, прежде чем праздновать новоселье.

Кем приходится быть автору

Автор – душа компании своих персонажей.

Нам не стоит воображать себя важной и неделимой персонаж – «Автором» с прописной буквы. Автор выполняет разные рабочие функции по отношению к читателю. Особенно важно не забывать это, когда пишешь достаточно большое произведение. Ведь всегда существует угроза стать монотонным в том или ином отношении.

Присмотримся к наиболее существенным из этих ролей, чтобы уметь, переходя от одной к другой, придать разнообразие и энергичность тому, что мы пишем.

Свидетель. В качестве рассказчика автор свидетельствует о реальных и возможных жизненных ситуациях. В своей основе это может быть фактическое свидетельство (о том, что действительно было с нами) или опосредованное (о том, что мы узнали от других). И даже когда мы пишем нечто фантастическое, мы можем вкладывать туда свой опыт, свидетельствуя о своём понимании общих закономерностей жизни.

Актёр. Чтобы показать своих персонажей, автору приходится становиться актёром, изображающим каждого из них.

А как же иначе! Только актёр произносит слова, придуманные драматургом, в мизансценах, поставленных режиссёром, а мы должны брать на себя и эти обязанности, да ещё быть костюмером, декоратором, гримёром...

Драматург. Эту роль необходимо выделить как самостоятельную. В любом произведении есть своя драматургия, а значит автор неизбежно берёт на себя ответственность за неё. В сценах с диалогами это становится полностью очевидно, но взгляд драматурга требуется повсюду.

Поэт. Даже в прозе есть свои поэтические составляющие. Поэзией полны метафоры, сравнения, образы. Лирическое, романтическое, трагическое отношение к жизни – всё это может превратить прозаика в поэта. Всё это лишь на пользу и произведению, и читателю.

Юморист. Чувство юмора, хотя бы в самой минимальной дозе, необходимо и писателю и читателю, чтобы текст не был скучным и напыщенным. Если бы даже и нашёлся литературный виртуоз, сумевший полностью избежать проявлений юмора в своём произведении, это само по себе заслуживало бы улыбки.

Философ. Автор делится с читателем своими жизненными ориентирами, своими представлениями о жизни. Пусть

и не напрямую, а через ситуации, через персонажей, через саму ткань повествования. Это всегда мировоззренческая, философская работа, даже если она происходит в максимально художественной форме.

Раздел 4

Полезные жанры

Чап сам придумал себе такое имя: Чап. И фамилию Чапчев придумал. Так и стал жить. Когда ему что-то было нужно, он это тут же придумывал – и порядок. Такое уж себе свойство придумал Чап Чапчев: придумывать что угодно, даже себя самого. «Попробуйте, – советовал он всем. – Очень полезно. Может, и у вас получится». сказка-крошка «Чап Чапчев»

О жанрах мы поговорим в два приёма. В этой главе будут рассмотрены те жанры, которые, как мне кажется, могут сослужить службу любому пишущему человеку. С их помощью можно почувствовать и понять основные возможности литературного творчества в области прозы и поэзии с максимальной сосредоточенностью и минимальной затратой времени. Кроме того, каждый из них может по-своему пригодиться автору для работы над более сложными и более масштабными жанрами.

В следующем разделе будет уделено внимание и некоторым другим прозаическим и поэтическим жанрам. Но, конечно, тоже далеко не всем. Да и приведённые размышления о жанрах далеки от академического описания. Ведь это книга о началах литературного творчества. Узнать больше о лю-

бом другом жанре вы сможете, обратившись к литературным словарям и энциклопедиям.

Зачем нужны жанры

Жанр – это суверенное государство в искусстве, со своими законами, своей эволюцией и своими революциями.

В отличие от биологии и зоологии, где классы, роды, виды и пр. выстроены в достаточно стройную иерархическую систему, в литературе слово «жанр» является удивительно универсальным. Его применяют к устоявшимся разновидностям литературных произведений и на уровне максимального обобщения (когда всю литературу делят на три жанра), и для самой детальной конкретизации (вроде «хвостатого сонета»).

Так что литературный жанр – это и род, и вид, и всё что вам будет угодно. Гоголь озадачил читателей и литературоведов, приписав «Мёртвым душам» жанровое определение «поэма», а Чехов назвал свою драму «Чайка» комедией.

Вместе с тем представление о жанре зависит не только от педантичности литературоведов и прихоти авторов. Каждый жанр отличается от других структурным и содержательным своеобразием, а также цепочкой своих культурно-исторических традиций. Хотим мы того или не хотим, знаем об этом или не знаем, но, входя в тот или иной жанр, мы вступаем во взаимодействие с неким силовым полем тради-

ций, которое образовано вокруг него. Мы можем их принимать, игнорировать или преодолевать, но любые наши писательские достижения тоже неминуемо станут частью этого поля.

Поэтому жанр для писателя – это одновременно и опора на традицию (даже при её преодолении), и развитие этой традиции, участие в формировании её новых свойств.

Ориентироваться в жанрах на пользу писателю. Хотя бы для того, чтобы понимать, что делаешь ты сам и какие у тебя возможности делать это лучше. Не обязательно стремиться к исчерпывающей эрудиции в этой области. Но узнавать о каких-то существенных особенностях тех жанров, которые тебе наиболее близки, стараться понять их характер и перспективы – так же естественно, как мастеру держать в порядке свои инструменты.

Даже самое общее деление литературы на три основных потока – эпос, лирику, драму, – предложенное греческим философом Аристотелем ещё в IV веке до нашей эры, позволяет понять некоторые важные свойства литературы. Спустя две с лишним тысячи лет немецкий философ Гегель увидел в эпосе объективное начало творчества, в лирике субъективное, а в драме их сочетание.

Теперь, надеюсь, я исполнил свой образовательный долг, и мы можем больше не возвращаться с Аристотелю с Геге-

лем. Хотя о жанрах ещё поговорим.

А сейчас перейдём к наиболее живым и необходимым жанрам, которые могут научить нас свободе литературного творчества и в конце концов прийти к тому, чтобы просто писать так, как подсказывает нам сердце.

Определение: самый ёмкий жанр

Афоризмы – основные идеи ненаписанных произведений.

Габриэль Лауб, польский писатель XX века

Афоризм и определение

Сначала – о жанре афоризма. Мы привыкли понимать афоризмы как изречения великих людей. Но это не так. Афоризм – это просто выразительное законченное высказывание. А в чём его неоспоримое достоинство для пишущего человека – это краткое самостоятельное произведение. Если афоризм получился удачным, с вас не будут требовать справку о том, что вы являетесь великим человеком. Например, народные пословицы чаще всего представляют собой прекрасные афоризмы, хотя автора их определить невозможно. Так что каждый имеет право попробовать, что у него получится.

Но как же реально начинать пробовать? Напыжиться – и изречь? Или всё-таки для начала стать великим человеком?..

Чтобы перейти к практической стороне дела, перейдём и к особой разновидности этого жанра, которая называется «афоризм-определение». Впрочем, такое солидное двойное

название нужно лишь на первых порах – для того, чтобы показать, что это тоже афоризмы, но особые по форме. Можно говорить просто «определение», если быть уверенным, что тебя верно понимают. Это афоризм в форме определения, то есть слово, после которого раскрывается его смысл.

Вот несколько примеров афоризмов-определений:

Афоризм – это зерно мысли, созревшее для сказавшего и посеянное для услышавшего.

Жалюзи – это щёлочки на верёвочке.

Поэма – гибрид романа и симфонии.

Солист – певец, которому не удалось спрятаться за чужую спину.

Ужас – победа страха над разумом.

Понимание, требующее понимания

Придумать афоризм-определение очень просто: нужно взять слово и определить его *по-своему*. Не так, как в энциклопедическом или толковом словаре. По-своему увидеть это слово и по-своему рассказать о нём другим. Определение – это построенный тобой мостик к слову, о котором ты раз-

мышлял. Читатель пройдёт по нему и увидит то, что разглядел ты.

Определение – штурм слова фразой. Это завоевание смысла слова с помощью других слов. Как идти на штурм? Можно просто подумать. Можно использовать юмор. Можно найти необычный образ. Наше определение может быть раскусительным или живописным, реальным или фантастическим. Оно может быть простым или сложным, но краткость будет его украшать, а ясность необходима любому афоризму.

Определение – это хорошо сформулированное удивление. В каждом слове заключено много неожиданного, и нам остаётся только удивиться тому новому, что мы смогли в нём отыскать. Когда мы это удивление выразим словами, оно навсегда сохранится в нашем афоризме.

Определение – это разгадка загадки, состоящей из одного слова. Проверить, удалась ли разгадка, нетрудно. Надо закрыть слово, которое ты определил, и прикинуть, можно ли по определению догадаться, какое слово закрыто, или нет. (Нельзя поэтому определить слово просто одним его синонимом. Нужно какое-то уточняющее слово, позволяющее отличить один синоним от другого.)

Конечно, всякий афоризм – это понимание, требующее понимания. Автору нужно потрудиться, чтобы подыскать слова для своей мысли. Но и читателю нужно потрудиться, чтобы как следует понять эти слова. И если наше открытие нового смысла в старом слове пока не оценили, не будем

унывать. Афоризм – это фраза для понимания не с первого раза.

Первооткрывательство смысла

Афоризмы-определения очень полезны для выработки литературных навыков. Ведь в этих коротких фразах возникают свои образы, в них по-своему разворачивается мысль. Лучшая школа шлифовки фразы – афоризм. Афоризм-определение позволяет начать обучение в этой школе моментально, оттолкнувшись от любого слова.

Определение приучает нас к другим жанрам. Оно может звучать, как маленькое стихотворение. Может представлять собой миниатюрное эссе или даже крошечную сказку. Более того, зерно определения – содержащаяся в нём мысль или образ – может стать зародышем произведения совсем другого жанра. Оно может прорасти в поэзию или в прозу, или даже в журнальную статью. Жанрам вообще свойственно перетекать друг в друга. Надо только уловить это желание и способствовать ему.

Лаконичность и выразительность определений позволяют использовать их в литературном творчестве разными способами. Например, они могут служить прекрасными эпиграфами, подзаголовками, броскими врезками для журнальной статьи. Из определения легко сделать название, отбросив определяемое слово.

Но если всё-таки уделить внимание именно этому жанру самому по себе, если придумать определения хотя бы для нескольких десятков ключевых для тебя слов, это будет уже твой собственный литературный словарь. В нём всё будет определено по-твоему. Ты как бы создаёшь этим особый мир своих пониманий. Мир первооткрывательства смыслов.

Какие слова выбрать для того, чтобы попробовать себя в этом жанре? Прежде всего, наверное, те слова, которые означают для тебя что-то особое. Слова, которые тебе самому интереснее прочих.

Можно попробовать определить слово одним способом, а потом совсем другим, а потом третьим – и выбрать то, что кажется самым удачным. Если повезёт, удачными могут оказаться и все три определения. Или больше.

А когда начнёт получаться, можно забыть всё, что здесь написано. Можно угадывать, что означают слова, так, словно ты первый человек на Земле.

26 способов придумывания определений

В завершение приведу 26 способов для придумывания определений-афоризмов. Иллюстрацией к каждому из способов будет определение самого слова «определение».

Почему именно двадцать шесть? Или вообще – зачем так много? Для того, чтобы на этом небольшом жанре показать, сколь велики и широки возможности творческого подхода.

Уверен, что каждый может ещё и свои способы придумать.

1. ВНЕЗАПНОЕ ВЫТЯХИВАНИЕ (быстрое определение). Этот способ заключается в том, чтобы побудить себя к максимально ускоренной выдаче формулировки. Можно засесть время или придумывать определения наперегонки с другим автором.

Пример: *Определение – это объяснение с бухты-барашки.*

Содержание метода слилось здесь с его результатом. Это не удивительно: о чём думал в тот момент, то и выплеснулось в первую очередь.

2. ПРИСЛУШИВАНИЕ К ИНТУИЦИИ (уловленное определение). Каждое слово порождает в нас разнообразные отклики. Уловить наиболее яркий образ и описать с его помощью исходное слово – путь для получения неожиданной формулировки.

Пример: *Определение – словесная указка на смысл.*

В ответ на слово «определение» пришёл образ указки. Осталось только придумать, на что она показывает.

3. КАРТИНКА (изобразительное определение). Здесь наше внимание направлено на то, чтобы мысленно нарисовать себе некоторую сценку, одним из персонажей которой является исходное слово. И описать её.

Пример: *Определение – портрет слова, нарисованный словами.*

Не знаю, увидит ли читатель, но я так и вижу иллюстрацию к этой фразе: сидит на стуле самодовольное словечко, а несколько других слов столпились вокруг мольберта с кисточками, и каждое норовит сделать свой мазок.

4. ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ (парадоксальное определение). Разумеется, не все парадоксы сводятся к сопоставлению противоположностей, но это наиболее простой случай. Определить слово через его антоним – не просто озорство. Чаще всего при этом возникает поразительно углублённый смысл.

Пример: *Определение – попытка поймать неопределённость.*

Пара «определение – неопределённость» была задана самым способом. Тот смысл, который образовался при формулировании афоризма, был неожиданностью и для меня самого.

5. СИНОНИМ (уточнённое определение). Вполне возможно определить слово через его синоним, если при этом выявить (хотя бы для себя) любопытное отличие от синонима и поиграть с ним.

Пример: *Определение – это дефиниция, не боящаяся профанации.*

«Дефиниция» – синоним, подчёркивающий либо научность подхода, либо ироническое отношение к возможной научности. Здесь акцент сделан на иронии, которая усилена игрой созвучными словами.

6. БЛИЗКАЯ АССОЦИАЦИЯ (естественное определение). Здесь мы уже не берём непосредственно синоним, как в предыдущем способе, но ищем слово в близлежащей смысловой области.

Пример: *Определение – это расшифровка незашифрованного.* В предыдущем примере было использовано противопоставление исходному слову. Здесь сначала была найдена ближайшая ассоциация для исходного слова, и столкновение противоположностей относится уже к ней.

7. ДАЛЬНЯЯ АССОЦИАЦИЯ (перекликающееся определение). Близкая ассоциация (как в предыдущем способе) является обычно более логичной. Дальняя менее предсказуема, более образна и может оказаться очень экзотичной. В этом достоинство этого подхода.

Пример: *Определение – луч фонарика, ищущего потерянное содержание.*

Определяя слово, мы высвечиваем его содержание. Высвечиваем, как фонариком. Но если мы светим фонариком, чтобы что-то найти, значит мы это потеряли. Здесь примерно такая цепочка, но она может быть и гораздо длиннее.

8. ОБРАЗ (метафорическое определение). В отличие от способа 3, мы стараемся здесь не просто подыскать картинку, но создать метафору, наполняющую образ глубинным смыслом и поэзией.

Пример: *Определение – это птица воображения, вырвавшаяся из клетки слова.*

Для того, чтобы найти хорошую метафору, создающую выразительный образ, нужно и самому вырваться из рамок привычных стандартов восприятия. Этим данный способ труден, и этим особенно полезен в литературном творчестве.

9. СЛУЧАЙНОЕ СЛОВО (вызывающее определение). Чтобы воспользоваться этим способом, нужно наугад выбрать совершенно случайное слово (ткнуть пальцем в любой текст). После этого наша задача – определить исходное слово именно через выбранное, пояснив его соответствующим образом. Чем труднее эта задача, тем оригинальнее будет результат. Кстати, с помощью одного только этого способа можно придумать огромное количество определений (сколько слов-то в русском языке! сколько раз можно случайно ткнуть пальцем!).

Пример: *Определение – свидание с замыслом о явлении.*

Для приведённого примера случайно выбранным словом оказалось «свидание». Остальная работа заключалась в том, чтобы свести два совершенно разных слова в единую мысль.

10. РИФМА (стихотворное определение). Результат может быть небольшим двустишием, записанным в строку. Но даже просто использование рифмы придаёт формулировке особую оживлённость.

Пример: *Определение – это основа для одного из значений слова.*

Честно говоря, сначала придумалось другое: *Определение – это словоизвержение после потовыделения* Но и рифма здесь не ахти, и шутливо-иронические подходы мы рассмотрим по отдельности, не будем всё здесь мешать в кучу. Кстати, рифма появляется и в некоторых других примерах. Иногда к ней подталкивает само исходное слово.

11. ЗВУЧАНИЕ (определение, созвучное слову). Тут дело уже не в рифме, хотя и её можно услышать в результате, а в том, чтобы вслушаться в слово настолько, чтобы оно эхом отозвалось в найденной формулировке.

Пример: *Определение – это опора на деление одного понятия на несколько.*

Эффект эха здесь создаёт отражение слова «определение» в выражении «опора на деление», которое и стало первоначальной находкой. Остальная часть фразы служит для смыслового оправдания этой находки.

12. СЛОВАМИ РЕБЁНКА (детское определение). Психоло-

логи сообщают, что в каждом из нас живёт внутренний ребёнок. Вот ему-то и надо дать слово.

Пример: *Определение – это когда изображают, будто знают, о чём говорят.*

Не только внутренний ребёнок, но и просто люди детского возраста очень способны к жанру афоризма-определения. Очень полезно посоревноваться с ними, поучиться у них.

13. ШУТКА (клоунское определение). У клоунады много обличий. Можно выбрать такое, которое именно тебе по вкусу. И – поклоунничать!

Пример: *Определение – фраза для попугая, который хочет, чтобы его хозяин выглядел мудрецом.*

Этот пример поначалу выглядел проще: не было слов «*который хочет*». Но почему бы не выкинуть лишнее коленцо, раз уж оказался на манеже?

14. ИРОНИЯ (насмешливое определение). В отличие от шутки, у иронии обычно есть объект (точнее, субъект), на которого она направлена. Поэтому полезно представить его себе – и тогда способ сработает.

Пример: *Определение – микродиссертация на соискание звания эрудита.*

Речь идёт, естественно, о человеке, который скорее заучивает определения, нежели придумывает их. Развитие жанра афоризмов-определений может сильно осложнить ему зада-

чу, но пусть нас это не беспокоит.

15. САТИРА (язвительное определение). Как же так? Только что мы говорили о том, как найти глубинный и поэтический образ, как построить парадокс или призвать на помощь близкие и дальние ассоциации, а теперь будем язвительно развенчивать то понятие, которое определяем? Конечно. У любого явления есть и такие стороны, которые вполне заслуживают сатирического подхода.

Пример: *Определение – муляж содержания.*

Должно быть, как раз такого рода определения заучивает соискатель звания эрудита, о котором шла речь в предыдущем примере.

16. УЧИТЕЛЬ (педагогическое определение). Почему же мы только на пятнадцатом способе вспомнили про прямое назначение определения? Ведь обучающий характер должен быть естественным для него. Но всё-таки мы ведём здесь о литературно-художественном жанре.

Пример: *Определение – это попытка научить одним предложением.*

Если бы мы говорили об ироническом подходе, я бы вместе слова «попытка» предпочёл бы написать «неудачная попытка». Но здесь у нас подход педагогический.

17. ЗАГАДКА (определение для викторины). Сформули-

ровать смысловое содержание слова как загадку, разгадкой которой будет само это слово, – это может привести к очень эффектному результату.

Пример: *Определение – это группа слов, равная одному слову, но не исчерпывающая его полностью.*

Не только для викторин годятся такие загадки (хотя их охотно используют в телешоу типа «Своя игра»), но ещё и для кроссвордов.

18. МНИМАЯ ЭТИМОЛОГИЯ (расшифровывающее определение). Этимология, то есть происхождение слова, – это целая наука, и мы далеко не всегда в курсе её достижений применительно к нашему исходному слову. Зато мы можем пофантазировать и придумать свою этимологию.

Пример: *Определение – это определённая лень к самостоятельному пониманию.*

Этот способ близок к способу 11, опирающемуся на звучание слова, и тоже требует вслушивания, но здесь предпочтение отдаётся смысловой расшифровке.

19. РЕАЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ (осмысление происхождения). Можно опереться и на реальную этимологию слова, если мы знаем её или можем о ней догадываться.

Пример: *Определение – это поиск предельного смысла.*
Дело не в том, чтобы зафиксировать этимологический факт, а в том, чтобы использовать его (слово «определе-

ние» происходит от слова «предел») и развернуть в сторону необычного понимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.